

С. А. Ипатова

ПЕРВЫЙ ЮБИЛЕЙ ТУРГЕНЕВА В ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАРАДИГМАХ: РЕЧЬ Н. В. ЧАЙКОВСКОГО О ПИСАТЕЛЕ (1918)

С победой Октябрьской революции новая общественно-политическая реальность, нуждаясь в широком социальном признании советской власти, стремилась найти опору в признанных культурных образцах. И хотя осуществленный проект нового общества был ориентирован на разрыв с прошлой эпохой, большевистская власть, нуждаясь в закреплении победившей идеологии и стремясь утвердить революционно-героическое мировоззрение, приступила к созданию нового пантеона героизированных образов, кооптируя себе на службу представителей канонического «литературного поля» — признанных писателей прошлой эпохи. Вместе с тем, апеллируя к знаменитым литераторам, власть стремилась контролировать характер этого восприятия. Литературовед-марксист В. М. Фриче в статье «В поисках новой красоты» (1918), писал: «...мы должны приспособить искусство к той новой жизни, которую пролетариат призван и обязан построить из материала, полученного им в наследство от капиталистического общества».¹

В первый год советского государства особый и беспрекословный статус приобрели такие литераторы прошлого, как Радищев, Герцен, Белинский, Добролюбов, Чернышевский, Некрасов. Вульгаризация литературного наследия других классиков XIX века заключалась в оценке наличия в нем сочувствия к «угнетенному царизмом народу», то есть оценке потенциала его революционности. Такие стереотипные суждения, как «господство самодержавия», «мерзости

¹ Фриче В. М. В поисках новой красоты // Творчество. 1918. № 2. Июнь. С. 5.

буржуазно-дворянского общества», «ненавистное царское прошлое», «борец с самодержавием и крепостничеством», «обличитель», «жертвы монархического прошлого», «борьба за свободу поработанного народа» и др. должны были не только формировать и объединять советскую нацию, но и приобщать читателя к определенному восприятию культурного наследия страны.² Апелляция к авторитету Тургенева была вызвана прежде всего антикрепостнической направленностью его творчества и сочувствием к мужику («Записки охотника»). «В шумные дни борьбы, строительства новой жизни и крушения старых устоев, — говорилось в одной из юбилейных статей ноября 1918 года, — грустным звуком нежной струны» звучат «тихие Тургеневские дни»; писатель жил «в мрачную эпоху крепостничества» и был одним «из первых борцов за освобождение народа, барин, понявший в рабе-мужике человека и брата», в то же время он «сумел наряду с горькой правдой обличения нарисовать мягкие, нежные образы, дать страницы тихого, безропотного страдания».³

Однако имя Тургенева было включено в новый пантеон не без оговорок. Так, Фриче в статье «И. С. Тургенев и революционное движение» (1918) с сомнением высказался о политической позиции писателя: «Как ни тяжело давил казарменно-крепостной строй Тургенева, он в активной борьбе с ним почти не участвовал», он «был и оставался на всю жизнь монархистом, допуская лишь реформы, исходящие от верховной власти», это был «постепеновец», который «отвергал революционные методы борьбы», к «социализму он относился так же отрицательно, как к террору».⁴ Однако активный процесс огульного ниспровергательства «устаревшего» наследия не коснулся имени Тургенева. Следует отметить, что на основании ленинского декрета «О памят-

² См.: Кознова И. Е. Прошлое в пространстве советской культуры и политики // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 4. С. 266–271.

³ См.: Урванцев Н. Н. В Тургеневские дни // Бирюч. 1918. 19–15 ноября. № 2. С. 37.

⁴ Творчество. 1918. № 8. Декабрь. С. 1–3. Позже статья вошла в сб. И. С. Тургенев. М., 1929.

никах республики», о развитии монументального искусства («новый монумент на старый постамент»), утвержденного в августе 1918 года, были составлены списки имен «лучших умов человечества» (Ленин), увековечение которых в монументальной скульптуре и бюстах было рекомендовано для наглядного утверждения новых героев; установка памятников лицам с революционным прошлым являлась важнейшим агитационным средством коммунистической идеологии. Согласно декрету, демонтажу и утилизации должны были подвергнуться памятники деятелей царизма.⁵ В списке литераторов, состоящем из 20 имен, имя Тургенева не значилось; значились: Радищев, Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Белинский, Шевченко, Добролюбов, Чернышевский, Салтыков-Щедрин, Некрасов, Кольцов, Лев Толстой, Достоевский и др.

И все же в деле пробуждения и воспитания общественного сознания писатель, прежде всего как автор «Записок охотника», оказался чрезвычайно удобным материалом для подкрепления политических стратегий и успеха новой идеологии. На первый план было выдвинуто мастерское и правдивое изображение мужицкой Руси, народного быта, художественное воплощение духовной природы русского народа. Значительный вклад в формирование идеологической репутации Тургенева и приобщение его имени в ряды борцов с самодержавием оказало использование его похорон как события общественно-политической жизни России 1880-х годов.⁶ «Подполье,— говорилось в одной из юбилейных статей,— первым учло значение смерти Тургенева и возможности использовать эту смерть как оружие политической, если не борьбы, то игры», которая, безусловно, «обострила, углубила

⁵ См.: Толстой В. П. Ленинский план монументальной пропаганды. М., 1961; см. также: Шалаева Н. 1918 год: план монументальной пропаганды // Московское наследие. 2017. № 5 (53). С. 18–29; Семенцов С. В., Сперанская В. С. Ленинский план монументальной пропаганды и традиции императорской столичной культуры // Вестник гражданских инженеров. 2018. № 2 (67). С. 37–47.

⁶ См.: Ипатов С. А. И. С. Тургенев и «лавровская история»: Суворин vs Катков // Пушкинские чтения –2013. Художественные стратегии классической и новой литературы: жанр, автор, текст: Материалы XVIII международной научной конференции / Под общ. ред. В. Н. Скворцова; отв. ред. Т. В. Мальцева / Сб. науч. статей. СПб., 2013. С. 122–135.

интерес к его личности, к определению его художественного и общественного удельного веса». ⁷ Похороны Тургенева показали всенародность значения утраты великого писателя, и это хорошо осознавалось обществом, независимо от политических убеждений конкретных его членов. «Барин по рождению, — говорилось от лица радикальной молодежи в прокламации, тайно распространяемой в день погребения писателя, — аристократ по воспитанию и характеру, «постепеновец» по убеждениям, Тургенев, быть может, бессознательно для самого себя, своим чутким и любящим сердцем сочувствовал и даже служил русской революции». Борцов «за освобождение родного народа еще не было на Руси, когда Тургенев нарисовал своего Инсарова; по базаровскому типу воспиталось целое поколение так называемых нигилистов, бывших в свое время необходимой стадией в развитии русской революции»; для «нас важно, что он служил русской революции сердечным смыслом своих произведений, что он любил революционную молодежь». ⁸

Первый Тургеневский юбилей 1918 года стал культурно-массовый проектом советской власти. Торжества пришлось на непростые времена, насыщенные трагическими для России историческими событиями: перемирие и конец Первой мировой войны, разгорающаяся Гражданская война, интервенция четырнадцати иностранных государств на юге, севере, западе и востоке России, военное положение, разруха и голод. Несмотря на эти трагические и бурные события, царящие в стране, Тургеневский юбилей с особым размахом был отмечен в завоеванных большевиками Москве и Петрограде. Очевидец вспоминал: «Багровое, в дыму вставало солнце социалистического строительства. Шел восемнадцатый год. Начались героические времена страшной борьбы и неслыханного напряжения. И в эти грозные дни, дни же-

⁷ Н. К. Тургенев и мы (К 40-летию со дня его смерти) // Сибирские огни. 1923. Сентябрь–декабрь. № 5–6. С. 241–242. Раскрыть криптоним не удалось.

⁸ Якубович П. Ф. И. С. Тургенев (прокламация народовольцев) // И. С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников / Собрал и комментировал М. К. Клеман; ред. и введение Н. К. Пиксанова. М.; Л., 1930. С. 4, 7–8.

леза, крови и огня не была, однако, забыта 100-летняя годовщина со дня рождения Тургенева. Не только не забыта, но отмечена с особой любовью и тонким, нежным вниманием»; эти «большие Тургеневские дни, напомнившие кое-кому из могокан Пушкинские дни <18>80-х годов, прошли под определенным лозунгом возвращения к Тургеневу».⁹

На протяжении нескольких недель в Петрограде, начиная с 10 ноября, в память о писателе проходили многочисленные юбилейные акции: научные заседания, лекции, музыкальные вечера, спектакли и инсценировки; в Книжной Палате была организована Тургеневская выставка, ставшая событием в культурной жизни Петрограда; возникла и вскоре была реализована идея создания научного центра — Тургеневского историко-литературного общества (под председательством А. Ф. Кони), целью которого стало всестороннее изучение жизни и творчества писателя. Все юбилейные события освещались периодической печатью, особенно подробно газетой «Жизнь искусства» и театральным журналом Петроградских государственных театров «Бирюч».¹⁰ «Несмотря на то, — писал хроникер журнала И. С. Розенберг, — что политика как бы заслонила» и «уничтожила интерес ко всему, не имеющему к ней прямого отношения, все же столетие со дня рождения незабвенного писателя» превратилось «в настоящий культурный праздник».¹¹ Подготовка к празднованию вызвала активную издательскую деятельность, давшую обширную юбилейную «Тургениану».¹²

Московские торжества, организованные специально созданной «Тургеневской комиссией» при Обществе любителей российской словесности (ОЛРС; председатель комиссии

⁹ Н. К. Тургенев и мы. С. 244.

¹⁰ О юбилейных событиях в Петрограде см.: *Ипатов* С. А. В Тургеневские дни 1918 года (по страницам журнала «Бирюч») // И. С. Тургенев и русский мир: Материалы международной конференции к 200-летию писателя, 29–31 октября 2018 г., ИРЛИ РАН / Отв. ред. Н. П. Генералова, В. А. Лукина. М., 2018. С. 50–53.

¹¹ См.: *И. Р-берг <Розенберг И. С.>*. Тургеневские дни (Чем ознаменовано столетие со дня рождения И. С. Тургенева) // Бирюч. 1918. 16–22 декабря. № 7. С. 49.

¹² Обзор научных изданий см.: *Бродский Н.* Юбилейная литература об И. С. Тургеневе // Научные известия. Сб. 2. Философия. Литература. Искусство. М., <1922>. С. 195–221.

П. Н. Сакулин) совместно с Московским университетом, составили отдельную страницу в праздновании Тургеневских дней 1918 года. 10, 11 и 12 ноября по н. ст. прошли торжественные заседания с многочисленными речами.¹³ Любопытные дневниковые записи оставил очевидец, историк литературы Н. М. Мендельсон, на тот момент заведующий научным отделом Румянцевского музея: «10/XI. Первый день Тургеневских торжеств в ОЛРСл. По совести говоря, довольно бледно, без особого подъема. Время не то. Речь А. А. Грушки <...> А. Е. Грузинского <...> Гершензона <...> После перерыва П. Н. Сакулин — «В преддверии будущего» <...> В общем, повторяю, без подъема. И физиономия аудитории не та. Не было обычных, знакомых лиц «всей Москвы», научной, литературной. Кто в бегах, кто в Титах (обиходное название арестного дома в Москве.— С. И.), кому не до праздников. Желал бы я послушать, что говорит «народу» товарищ В. Потемкин на тему «Тургенев и освободительное движение».¹⁴ То-то, чай, подвирает во славу революции!».¹⁵

По материалам прозвучавших в заседаниях ОЛРС докладов был выпущен сборник «Тургенев и его время», в предисловии к которому от редактора Н. Л. Бродского говорилось: празднование юбилея показало, что «поэтические видения «Отцов и детей» не только не потускнели, но стали еще ближе и значительнее, что духовный облик Тургенева в бурях нашей современности даже выиграл в своей идейной углубленности, что исследовательскому взору после грозных схваток за методологические принципы науки о литературе, предстоит много открытий в деле изучения его творчества».¹⁶

¹³ См.: Клейменова Р. Н. И. С. Тургенев — член Общества любителей российской словесности // Иван Тургенев и Общество любителей российской словесности / Сб. статей. Отв. ред. Ю. Л. Воротников; сост. Р. Н. Клейменова М., 2009. С. 184–195.

¹⁴ Имеется в виду Потемкин Владимир Петрович (1874–1946), советский государственный и партийный деятель, историк, педагог, военачальник; в 1918 г. член коллегии школьной политики и заведующий отделом Наркомата просвещения РСФСР. Речь Потемкина о Тургеневе неизвестна.

¹⁵ Мендельсон Н. М. Pro me. Дневник // НИОР РГБ. Ф. 165. К. 1. № 2; цит. по: <https://prozhito.org/person/158>; дата обращения: 18.09.2021.

¹⁶ См.: Тургенев и его время. Первый сборник / Под ред. Н. Л. Бродского. М.; Пг., 1923. От редактора.

Несмотря на идеологические рамки и социализированный подход к изучению писателя, тургеневедение как наука успешно развивалось усилиями таких ученых, как М. К. Клеман, П. Н. Сакулин, Н. Л. Бродский, Л. П. Гроссман, Н. К. Пиксанов, Д. Д. Благой, Н. К. Гудзий, М. П. Алексеев и др.

В рамках юбилейных торжеств Московский кинокомитет объявил конкурс на экранизацию произведений писателя: «Одинаково приемлемыми мыслятся как связные инсценировки типа кино-романа, так и ряд отдельных бытовых иллюстраций произведений Тургенева. За лучшие сценарии инсценировок Тургенева Кинематографический комитет предлагает три премии — в 3000, 2000 и 1000 рублей». По одобренным в ходе конкурса сценариям были поставлены фильмы «Герасим и Муму» (1919; реж. Чеслав Сабинский), «Три портрета» (1919; реж. А. В. Ивановский) и «Пунин и Бабурин» (1919; реж. А. В. Ивановский).¹⁷

Торжества прошли не только в Петрограде и Москве, но и в большинстве провинциальных городов России: Саратове, Киеве, Одессе, в нескольких городах Сибири, находящихся во власти белой гвардии,¹⁸ а также на севере, в Архангельске, оккупированном войсками Антанты.¹⁹ Одним из самых трагических эпизодов Гражданской войны и контрреволюционного движения на Севере стали антисоветский переворот в Архангельске летом 1918 года и создание антибольшевистского блока под руководством лидера Союза Возрождения России, 68-летнего Николая Васильевича Чайковского (1850–1926), известного политического деятеля, по выражению одной популярной брошюры того времени, «живого памятника» русской революции, ставшего предсе-

¹⁷ Кино-газета. 1918. № 34. С. 1.

¹⁸ См.: Б. п. Тургеневский день в Омске // Вестник Временного Всероссийского правительства. Омск. 1918. 12 ноября. № 6. С. 3 (инициатором чествования памяти «великого писателя явился Омский отдел Союза Возрождения России»); на заседании прозвучал доклад «Тургенев как гражданин и художник» известного впоследствии советского литератора Г. А. Вяткина, входившего в тот период во Временное Сибирское правительство.

¹⁹ Хроника торжеств в Архангельске подробно отражена на страницах газет «Вестник Временного правительства Северной области» и «Возрождение Севера».

дателем созданного Временного правительства Северной области, а также интервенция союзников — высадка английских и американских войск, под контролем которых более года осуществлялась деятельность нового правительства. В письме из Архангельска к дочерям в Лондон от 14 августа 1918 года Чайковский писал с гордостью на английском языке: «...я действую здесь в качестве президента и главы недавно образовавшегося правительства Северной области. <...> подготовка свержения большевистской власти шла под моим председательством. <...> Государство в Архангельске — только один кирпич в серии строительных усилий, предпринятых Союзом Возрождения России по всей стране. <...> такое имя, как мое, известное всякому образованному и читающему человеку из прошлого, чрезвычайно важно для внушения доверия к новой формации, как здания для объединения различных частей разложившейся на куски страны».²⁰

Чайковский был хорошим знакомым и корреспондентом Тургенева. Еще студентом физико-математического факультета Петербургского университета в 1869 году он организовал кружок, известный, как кружок «чайковцев», занимавшийся в 1870-х годах массовой пропагандой среди рабочих и крестьян. После разгрома кружка привлекался по делу «о пропаганде в империи» (процесс 193-х), но успел скрыться. Встретившись в Орле с А. К. Маликовым, увлекся религиозно-утопическим учением, согласно которому люди, морально совершенствуясь, могут приблизиться к Богу, и таким образом на земле мирным путем воцарятся гармония и благоденствие. В 1875 году эмигрировал в Америку, где, увлеченный идеей поиска Бога внутри себя, в штате Канзас организовал сельскохозяйственную коммуну, в которой хотел реализовать свои идеи «богочеловечества», однако колония вскоре распалась. Вернувшись в Европу, весной 1879 года в Париже Чайковский познакомился с Тургеневым, который оказывал ему материальную помощь, устраивал его статьи в русской периодике и состоял с ним

²⁰ См.: Овсянкин Е. И. Переписка Николая Чайковского 1919–1920-е гг. — http://lit.lib.ru/o/owsjankin_e_i/text_0210.shtml; дата обращения 18.09.2021.

в переписке. После Октябрьской революции Чайковский становится активным противником большевизма.²¹

В Государственном архиве Российской Федерации (Москва) хранится черновик текста Чайковского «Ив<ан> Сер<еевич> Тургенев», составленного им, согласно дате, 18 ноября 1918 года. Очевидная ораторская интонация текста дает основание полагать, что имеющийся текст является кратким конспектом публичной речи. Неизвестны ни место, где прозвучала эта речь Чайковского, повторим, председателя Временного правительства Северной области, ни целевая аудитория, которой она адресовалась. Не исключено, что вариант речи был произнесен непосредственно в день юбилея 10 ноября по н. ст. в зале городской Думы Архангельска на вечере, устроенном литературно-художественным кружком при газете «Возрождение Севера» и Союзом учащейся молодежи. Краткое содержание ее, перекликающееся с найденным черновиком, приводится в газетной хронике: «Вечер открылся речью Н. В. Чайковского, который охарактеризовал Тургенева как неустанного борца за раскрепощение русского народа. И все лучшие свои произведения Тургенев написал в тот период, когда крестьяне еще не были освобождены от крепостного права, т.е. до 1861 года. / Остановившись на характере героев произведений Тургенева Н. В. Чайковский отмечает, что почти все они — Гамлеты, люди с раздвоенной душой, вечно колеблющиеся, сомневающиеся, не надеющиеся на свои силы. И события последних месяцев (революционный период) показали, как глубоко правдиво подмечены были Тургениевым характерные особенности русской природы. / Отметим далее особенности переживаемого нами времени, Н. В. Чайковский заканчивает свою речь выражением уверенности в том, что мы пережили «русский гамлетизм» и выходим на широкую дорогу строительства».²²

²¹ О Чайковском см.: Деятели революционного движения в России. Т. 2: Семидесятые годы. Вып. 4. М., 1932. Стб. 1921; см. также: *Чайковский Н. В.* <Автобиография> // Русские ведомости. 1863–1913 / Сб. Статей. М., 1913. С. 282–284; *Зеньковский В. В.* История русской философии. Т. 1. Ч. 2. Л., 1991. С. 147–150.

²² См.: Вестник Временного правительства Северной области. Архангельск. 1918. 12 ноября. С. 2.

Возможно, что речь, составленная 18 ноября, была прочитана Чайковским 19 ноября на торжественном заседании Союза Возрождения России, информация о котором содержится в объявлении архангельской газеты «Северное утро» (ред. М. Л. Леонов), субсидируемой Временным правительством Северной области.²³ Как трибун Чайковский использует в своей достаточно лапидарной речи образы, рассчитанные не на интеллектуалов старой формации, поклонников творчества Тургенева, а явно на солдат и революционно настроенную если не уличную, то митингующую толпу (обращение «граждане»), собравшуюся, конечно, не для празднования юбилея едва ли известного им писателя, речь о котором в военных условиях выглядит неким прологом к чему-то более насущному и решительному. В юбилейной риторике новой идеологической парадигмы, так же, как и в советской, основным достоинством Тургенева-писателя Чайковский как оратор, адресуясь к «гражданам», демосу, использует ту же антикрепостническую направленность его творчества. Приведу эту небольшую речь целиком.

Н. В. Чайковский

18 ноября 1918 г.

Ив<ан> Сер<геевич> Тургенев

18.XI.<19>18

Кто такой тот, чью столетнюю годовщину мы собрались сегодня чествовать? Мы все, конечно, знаем, кто он, ибо все обаяны ему очень многим. Но я уверен, мы не все будем согласны, если попробуем ответить на короткий, но прямой вопрос — что же такое дал Ив<ан> Сер<геевич> Тургенев нашей родине, за что мы можем с открытой душой и спокойной совестью помянуть его добрым словом и искренним спасибо даже сегодня, мы, живущие при других обстоятельствах и в другую эпоху?

Ведь в самом деле — на свете сейчас совершаются события мирового масштаба: кончается мировая война, решают-

²³ См.: Северное утро. 1918. 19 (6) ноября. № 230. С. 2.

ся судьбы народов, совершаются революции, рушатся троны и основываются новые государства и, быть может, граждане, опасности подвергается судьба самой современной культуры и цивилизации, и мы переживаем канун нового средневековья... да, все может быть! А мы собираемся чествовать одного из наших, правда, крупных писателей. Но... что же он сделал такого, чтобы действительно стоило почитать его даже в такую минуту? — Позвольте же мне сразу же и ответить на этот вопрос. — Этот замечательный человек, который был нашим учителем во многих и многих дорогих вещах, по его собственным словам, еще в юности, когда ему не было еще и 20 лет, дал Аннибалу клятву бороться против крепостного права. И он делал это и добился его уничтожения, насколько это было в его силах при помощи своего талантливое и прекрасного пера и слова.

Раскрепощение русского народа, его человеческой личности, его человеческого достоинства как необходимого подготовительного шага к его гражданскому освобождению <так!>; для этого потребовалось 56 лет упорной работы очень и очень многих людей общего калибра и общих взглядов, но первая брешь была пробита им — русскому народу было возвращено его достоинство, свойственное человеку, и снято то проклятие, которое было завещано татарским игом. За нашествием татар последовало наследие немецкого <владычества?>, господство самодержавия. Но первое было сделано людьми 40-х годов, и к ним принадлежал Ив<ан> Сер<геевич> Тургенев.²⁴

Следует добавить, что в поминальный день в архангельской правительственной газете «Северное утро» была опубликована обширная статья «И. С. Тургенев и крепостное право» за подписью некоего И. Д. Орлова, выдержанная в ключе речи Чайковского.²⁵

²⁴ Печатается по подлиннику: ГАРФ. Ф. 5805. Оп. 1. № 67. Л. 1–2.

²⁵ См.: Северное утро. 1918. 10 ноября (28 октября). № 221. С. 1. См. также статью писателя, журналиста и редактора газеты М. Л. Леонова, отца известного советского писателя Л. М. Леонова «Об И. С. Тургеневе (К 100-летию со дня его рождения) // Там же. 15 (2) ноября. № 226. С. 1 (подп.: М. Л.).

Дальнейшая политическая судьба Чайковского разворачивалась стремительно. В начале 1919 года он был командирован в Париж для участия в Русском политическом совещании, где являлся представителем белогвардейской России. В сентябре 1919 года, в результате разлада между различными политическими партиями и группировками, а также полного разобщения с народом, кабинет Чайковского пал, вскоре Архангельск был взят большевиками. С 1920 он становится членом Южнорусского правительства при А. И. Деникине, после разгрома которого уезжает в Лондон. Оказавшись в эмиграции, Чайковский до конца жизни входил в союз всех антисоветских сил, призывал к военной интервенции против большевиков. Умер в Лондоне в 1926 году.²⁶

С именем и биографией Чайковского связан один из нереализованных или, возможно, утраченных замыслов последних лет жизни Тургенева — замысел, зафиксированный в литературе под условным названием <Роман о русских и французских революционерах>. Высказывалось мнение, что прототипом русского революционера, главного героя, был Чайковский.²⁷ Тургенев искренне восхищался моральными качествами русской революционной молодежи 1870-х годов — самоотверженностью, целеустремленностью, идейностью. Причину трагического положения русского борца за прогресс писатель видел в том, как передает его слова некто Н.М., эмигрант, неустановленный автор статьи «Черты из парижской жизни И. С. Тургенева», что «у нас нет еще пока классовой экономической борьбы», борец этот, «принадлежа сам к привилегированному, обеспеченному материально классу, отстаивает интересы обездоленного народа; и, в то же время, он не встреча-

²⁶ См.: Мельгунов С. П. Н. В. Чайковский в годы гражданской войны (Материалы для истории русской общественности). Париж, 1929. См. также номер московского журнала «Каторга и ссылка» (1926. № 5 (26). С. 211–232), несколько статей в котором посвящены Чайковскому.

²⁷ Подробнее см.: Ипатова С. А. К реконструкции неосуществленного замысла Тургенева <Роман о русских и французских революционерах> // Тургеневский ежегодник 2013 года / Сост. и ред. Л. А. Балыкова, Л. В. Дмитрихина. Орел, 2014. С. 40–52.

ет поддержки и сочувствия в том самом большинстве, за интересы которого он стоит, ибо между ним и этим большинством — взаимное идейное и культурное непонимание и рознь. В этом вся драма русского идейного человека, в этом заключается причина его изолированности, почти бесцельности его попыток, его ошибок и преждевременной, бесполезной гибели массы энергических и честных сил...».²⁸ Судьба Чайковского показала прозорливость Тургенева в его отношении.

Между «белыми» и «красными» оказалась реакция И. А. Бунина, отдавшего дань памяти любимому писателю статьей с броским названием «Страшные контрасты», опубликованной в занятой гетманом П. Скоропадским Одессе, — встретить тургеневский юбилей, писал он, можно «только стыдом и молчанием», поскольку можно ли «придумать более страшные контрасты: <...> годовщина тургеневского рождения — и годовщина так называемого большевизма, сделавшего родину Тургенева позором всего человечества! Можно ли говорить о Тургеневе при наличии таких контрастов!», говорить «о великом и прекрасном русском поэте и вспоминать наряду с этим 28 октября прошлого года, когда русский народ, с радостным остервенением <...> жег и громил из пушек свою собственную Москву, свой собственный кремль», праздновать «совместно с Троцким, Лениным, Петерсом и Горьким, который, может быть в эту минуту, ломая роль «фанатика», произносит среди человеческих и лошадиных трупов пламенные речи о пользе просвещения и щедро оделяет томиками «социализированного» Тургенева — победоносный русский демос, тот самый демос, который уже осквернил могилу Толстого, сжег дом Пушкина, в прах разнес родовое тургеневское гнездо, а теперь спокойно дерет окровавленными лапами эти самые томики на сигарки, — нет, говорить и праздновать в эти окаянные дни уже совсем

²⁸ Н. М. Черты из парижской жизни И. С. Тургенева // Русская мысль. 1883. № 11. С. 322–323. Проблема атрибуции статьи, продолжающей оставаться нерешенной, косвенно помогла бы пролить свет на проблему установления прототипа (или прототипов) тургеневского замысла.

выше моей силы».²⁹ Тургеневским дням в Одессе несколько номеров посвятил журнал «Огоньки», направленность публикаций в котором расходилась с Петроградом и Москвой в идеологической подаче. Подробную библиографию южных торжеств (в Киеве, Полтаве, Чернигове, Бердянске, Одессе, Ялте, Таганроге) составил М. П. Алексеев.³⁰

Идеологические контрасты первого Тургеневского юбилея по богатству и разнохарактерности материала могли бы стать темой отдельного исследования. Празднование этой даты в молодой советской республике заложило основы дальнейшего изучения жизни писателя и исследования его творческого наследия.

В 1923 году в литературном журнале «Сибирские огни» (Новониколаевск, ныне Новосибирск) некто Н. К., автор статьи «Тургенев и мы (К 40-летию со дня его смерти)», констатировал современное падение интереса к писателю: «Вот в августе этого года исполнилось 40 лет со дня этой смерти, и надо сознаться, что эта юбилейная дата прошла почти незамеченной, по крайней мере у нас в Сибири». На «простую потребу ничего не было изготовлено, и имя Тургенева ко дню 40-летия его смерти не было брошено в массы. <...> Надо пересмотреть Тургенева и свое отношение к нему. Если мы знаем, кто нам нужен, мы должны сказать и почему он нам нужен». Автор для возрождения этого интереса предлагал пересмотреть Тургенева по основной «линии разреза»: «взаимодействие революции и искусства» и слить воедино «все эти монографические разрезы: Тургенев и Белинский, Тургенев и Станкевич, Тургенев и люди <18>40-х годов, Тургенев и революция 1848 года, Тургенев и Бакунин, Тургенев и Герцен, Тургенев и крепостное право <...>. Вскрыть его персональную близость ко всем отдельным вождям и бойцам ре-

²⁹ Бунин И. А. Страшные контрасты <Ответ на вопрос анкеты «Художники о художнике», посвященной 100-летию И. С. Тургенева» // Бунин И. А. Публицистика 1918–1953 годов / Под общ. ред. О. Н. Михайлова. М., 1998. С. 22–23; см. также: С. 471–472; впервые: Одесские новости. 1918. 28 октября (10 ноября). № 10839. С. 5.

³⁰ См.: Материалы к Тургеневской библиографии (1918–1919 г.) / Сост. М. П. Алексеев // Тургенев и его время. Первый сборник. С. 317–321.

волюции, его идеологическое с ними сродство. Отобразить преломление этой родственной идеологии в его творчестве. Его эмансипированность от влияний классовой наследственности» — все это должно было, по мнению автора, вернуть интерес к писателю, судьбу которого решила «Россия восемнадцатого года» своим «сильным смелым словом».³¹

³¹ *Н. К. Тургенев и мы*. С. 244–245.